

and so θ is between
and 2π , $\cos \theta = \sin \theta$
Retraces its steps.

Леонид Колос

Критерий истины

$$P_2(V_1 - V_2)$$

$$\frac{\pi}{2} \leq \theta \leq \pi$$

$$x \text{ and } \pi, x, y = 5$$

$$= A + B \cos \pi$$

$$\theta \leq \theta \leq \pi$$

$$= A - B$$

$$\cos \pi = -1$$

Леонид Львович Колос

Критерий истины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41179499

SelfPub; 2019

Аннотация

Герои этого рассказа студенты начала семидесятый годов прошлого столетия. Кого, как не их учили на обязательной в институтах «марксистско-ленинской философии», что критерием истины является практика. Основная часть событий, описанных в рассказе, разворачивается во время производственной студенческой практики. Практика подчас учит убедительнее учебника. Чему она научила главных героев? Об этом вы узнаете, прочитав рассказ.

После короткого стука дверь распахнулась и вошла Подзорова. И тут же от по-летнему раскрытого, окна повеяло сквозняком и пошло ворошить шпоры, уже аккуратно распределенные на столе по темам. Подзорова усмехнулась.

Соловьева одарила? – бесполезно отрицать очевидное. Леша только скривил гримасу, чтобы Подзорова поняла, как он безразличен к этому подарку, – Ну, не скажи, – покачала головой Подзорова, – Не всякому шпоры дарят. И вообще дело не в том. Мне не дорог твой подарок дорога твоя любовь.

Леша молчал, всем своим видом пытаясь подчеркнуть полное безразличие и к шпорам и к комментариям на этот счет. За шпорами он не гонялся. Просто отказаться от подарка было некрасиво. Соловьева ведь, действительно, выцганила этот комплект шпор специально для него. И отказ был бы приравнен к госизмене. А она, как Леша уже убедился, была ревнива ко всякого рода знакам внимания. И если в сессию, когда каждая минута, она пожертвовала временем и достала ему шпоры, это и подарок, и знак внимания, и символ одновременно. Леша бы прекрасно без всего обошелся. Но никуда не денешься.

Соловьева была из тех студенток, кто надеется на шпоры, как на палочку-выручалочку. Тратит время на их каллиграфическое выведение, чтобы и мелко, и четко. Но она, вдобавок, была и из тех, кто, высчитав, где раньше сдают тот же самый предмет, дежурит под дверью аудитории. И выхватывает

вает, как горячие пирожки, шпоры, у сдавших экзамен, для коих это уже макулатура. Как не подарить шпору девушке с таким просящим печальным взглядом.

Шпоры ей нужны были скорее для поднятия духа, так как вытянуть их из своих потаенных мест она боялась. Несмотря на то, что она не пропускала ни одной пары, аккуратно вела конспекты, на экзаменах терялась, и успехами похвастать не могла. Видно, ее жалобный взгляд с поволокой не трогал экзаменаторов. Вон Танька Бирюкова, та из раза в раз подгадывала, чтобы подсесть к тому, кто способен оценить ее внешние данные. Разве стройная блондинка не в силах взять экзаменатора? Но Соловьева, хоть и хорошенькая, не ставила на внешность. И не было экзамена, на который она бы пришла без шпор.

С пятой, зимней сессии ее задачи усложнились. Она стала охотиться за двумя комплектами, для себя и для Леша. Сначала, на первом экзамене, он был приятно удивлен. На втором просто удивлен, и сказал, что она напрасно переживает. На третьем неприятно удивлен. И на шестой, летней сессии картина со шпорами стала повторяться. И это Лешу доставало.

Хочешь, я тебе отдам, – предложил он Подзоровой.

У меня своих по макушку, – ее губы презрительно изогнулись подковой, – Я не о шпорах. Я по другому вопросу, – она понизила чуть не до хрипа голос, – Мы с девочками решили поехать в Кивыили.

Леша понял: четыре подруги по общеаге, все с их факультета, Оля, Таня, Надя и Лариса, – вознамерились поехать на практику в эти самые Кивыили, куда он собирался. Это лучшие места практики, и всего четыре места. Может быть, Кивыиыли это захолустье, но почти закордонное. Это Эстония. Распределение на практику производилось по успеваемости, по среднему баллу. А этот средний балл у Леша и его соседа по комнате Суворова был отнюдь не средним. И они попадали в Эстонию. А эти самые четыре красавицы не попадали. А им хотелось. Вот Подзорова и явилась выкручивать руки, чтобы Леша с Вовкой от Кивыили отказались добровольно. Они бы не цеплялись за Кивыили, будь что другое приличное. А не было. Только Чирчик и Северодонецк.

Экстрасенсы взглядом двигают спичечные коробки. А Леша почувствовал, как давящий взгляд Подзоровой плавно отодвигает его от Эстонии к Северодонецку. И не зацепишь-ся за какое-нибудь возражение. И Вовку, как назло, где-то носило. Попробуй отказать девочкам, с которыми немало проучились вместе, к которым частенько бегали на чай. Не пуд, так полпуда соли съели. А Вовка бегал к Таньке не только на чай. Леша искал, как бы поделикатнее выдать Подзоровой «наше вам с кисточкой». Но ничего не приходило в голову. Он широко раскрыл глаза и улыбнулся, как ему казалось, ядовитой улыбкой Мефистофеля.

Да? А мы с Володей, как ни странно, тоже решили поехать в Кивыили.

Ну, положим, вы поедете, и еще неизвестно, кто с вами. А нас уже четверо.

Как неизвестно? Мендельсон и, кажется, Савченко.

Вот видишь, ты даже не знаешь, Савченко или не Савченко. С Савченко я уже решила вопрос. И Мендельсоном нет проблем. Он только что женился и теперь без Нади никуда не рыпнется. И потом, нужен тебе этот Мендельсон? Он ведь нудный.

Он вполне нормальный.

А нормальный мужчина, уступит девушкам. Вот почему-то я не сомневаюсь, что Мендельсон уступит. Так что, Мендельсона не впутывай, – Подзорова смотрела на Лешу так, что ему следовало устыдиться, – Что ты, в конце концов, не джентльмен?

Ну, хорошо. Положим, мы с Вовкой откажемся. Положим, и Мендельсон откажется. Чисто теоретически. Но тогда другие станут претендовать, у которых средний балл выше вашего.

За это не беспокойся. Это я беру на себя.

Ну ладно, – сказал Леша, – Вовки нет. Без него такие вещи не решаются. Придет – поговорим.

А с ним уже Таня говорила.

Это был внезапный удар. Определенно, Подзорова обдумала тактику боя, и обойдя неприятеля с флангов, не оставила пути к отступлению. И теперь с улыбкой победителя, она ушла триумфатором, оставив Леше считать потери.

Предстоящий экзамен не лез в голову, и шпоры на столе вызывали отвращение. Значит, Танька переломила Суворова через свою крутую коленку. И Вовке, как галантному кавалеру, от Кивыли пришлось отказаться. Вовкино соглашательство отыграло и по Леше, который ни с кем из этой четверки не крутил, и ничем им не был обязан.

Пришел Вовка и признался, что Подзорова не врала. Таня с ним вчера говорила. Его Эстония, а заодно и Лешина, накрылась медным тазом. Придется отказываться. Ну и плевать на эту Эстонию, решили отказники. Есть около тридцати мест в Чирчик. Это под Ташкентом. Есть под сотню мест в Северодонецк. На большой комбинат. Уж туда-то они точно попадут.

Закончились экзамены. Потерявшие какой-либо интерес к таинствам распределения, отказники его проигнорировали. Остались в общаге. Уж Северодонецк их и так не минует. Вечером Леша столкнулся в коридоре с Шабриной.

Ты едешь в Чирчик, – сообщила она.

С какой стати? – удивился Леша. Он думал, раз не пришел на распределение, автоматически скатывается до Северодонецка.

С Наташиной. Тебя же не было. Когда твою фамилию называли, встала Соловьева и сказала, что ты поедешь в Чирчик. Вот тебя и записали, – Шабрина понимающе улыбнулась – И Соловьева едет туда.

Вот тебе бабушка и Северодонецк, подумал Леша. И никто не защитил. Никто не задал вопрос: а почему, если человек нагло плюнул на распределение, проявил полное презрение к коллективу, почему коллектив соглашается послать его в Чирчик, а не сослать в Северодонецк! Все согласились с правом Соловьевой распоряжаться его судьбой.

Вот такие пироги. Зерно для этих пирогов, было брошено в почву еще осенью, в холодном ноябре. Упало в хорошо удобренную почву теплой компании двадцатилетия Славки Варатаева. И было обильно полито вином. Гуляли у Славки на квартире. Родители его куда-то слиняли. Дали молодежи гульнуть.

Ну, было дело, потанцевал Леша с Соловьевой, а потом это плавно перешло в целование с ней в Варатаевском коридоре. Бегающие в туалет или на кухню, натыкались на них. И целующиеся укрылись от любопытных глаз в холодную и грязную парадную. И тут Соловьева себя проявила. Резво заскочила назад в квартиру и вернулась со своей шубкой и Лешиним пальто. Шубку набросила, но не застегивала. И прижимаясь к Леше, шутливо заметила, что так они, как в гнездышке. И овцы целы и волки сыты. Ну, насчет волков, это она махнула. Волки в таком гнездышке сыты не будут. Но Леша и не чувствовал волчьего аппетита на Соловьеву.

Волка ноги кормят. Леше после гулянки нужно было в два конца: сначала через пол-Москвы проводить Соловьеву, по-

том к себе на Сокол в общагу. Не без того, что они некоторое время в ее подъезде, таком же холодном и негостеприимном, повторили вполне невинный опыт Варатаевского подъезда. Вполне логичное завершение дня рождения, не больше, чем дань традиции. Он и не думал переходить грань, форсировать события.

Запоздно возвращаясь к себе в общагу с ощущением нормально проведенного вечера, он не чувствовал никакого желания продолжения сегодняшней одиссеи.

Спящие корпуса студгородка лежали, укрытые снегом. Он ускорил шаг, поеживаясь от холода, предвкушая, что сейчас в своей комнате он окунется в почти спартанскую, но желанную атмосферу совершенной свободы. Отряхнет со своих ног пепел отгоревшего дня рождения, тихо проскользнет мимо спящего Суворова, нырнет на свое койкоместо и заснет.

Но говорят, каждому воздастся по делам его. На перовой паре, на лекции Соловьева, сидевшая рядом с девочками, заметив входящего Лешу, подхватилась, словно по комсомольскому призыву, прошла в другой конец лекционного зала и под села к Леше. Под села, как родная. Леша тут же попавший под жгучие юпитеры взглядов Подзоровых– Бирюковых, уставился куда-то в пространство с каменным лицом сфинкса. И хотя пожалел, что пришел на эту пару, на которую мог бы и не ходить, но даже на микрон не отодвинулся

от Соловьевой. Отодвигайся – не отодвигайся, а поцелуй не воробей, обратно не воротишь.

Еще вчера вечером он так сладко засыпал под колыбельную полной гармонии мира. И вот, пожалуйста. Первый признак дисгармонии. Взять хотя бы то, что Леша, немало прочуввавшийся в одной группе с Наташей Соловьевой, никогда никаких прожектов на ее счет не строил. Не строил, когда сидел с ней рядом в аудитории, не строил, когда, редко, но случалось, оказывался с ней в одной компании, не строил и, расставшись вчера с нею в ее подъезде. Вчера просто так карта легла.

Нет, кто спорит, девушка она ничего себе. Но, как говорил Лорьян, ничего себе – не козырной туз. Шел слух, когда-то, еще на первом курсе, Лорьян закидывал на нее удочки, но, пролетел, обозвал ее стойким оловянным солдатиком и больше не рыпался. Впрочем, Лешу детали отшивания Лорьяна не интересовали. Тогда не интересовали. А теперь стоило задуматься, почему чаша, обошедшая Лорьяна, поднесена ему. Теперь бы заглянуть, что там, в чаше, мед или яд. Но он не решался даже поглядеть вбок на Соловьеву. Он не слушал лекцию. Он по памяти мысленно рисовал образ Соловьевой. Он искал плюсы. Если вспомнить в деталях, личико у нее приятное, черты лица милые. Она иногда упоминала, что чуть раскосыми глазами наградила ее мама-татарка, и густые черные волосы, и круто изогнутые, длинные густые ресницы – тоже мамин подарок. Это девушку, конечно, кра-

сит. С ней, конечно, приятно было по-товарищески общаться.

Но вот она на глазах у всего коллектива девушка с длинными ресницами пересела к Леше и перестает быть товарищем. Когда она вчера целовалась, она, в Лешином понимании, еще не пересекала товарищеский рубеж. Может быть, в ее понимании, она вчера пересекла? А теперь на лекции уж точно пересекла. Тут не день рождения. Не просто так она пересела. Вчерашний вечер у половины группы на памяти.

И что дальше? Закончится пара, и что ему делать? Изредка скосив украдкой глаза, он видел, как Наташа что-то сосредоточенно выводит в тетради. Он знал ее как старательную и скучно зацикленную на учебе. Соловьева у него ассоциировалась с этакой балеринкой, приютившейся из строго предназначенной ей ниши готовальни и извлекаемой в редчайшие моменты, чтобы описать маленькую окружность. И вот вдруг балеринка, игриво блеснув серебром, выполнила несвойственный ей пируэт. По окончании лекции, когда все поднимались со своих мест, Соловьева окатила Лешу таким, совсем не канцелярским взглядом, что он испугался, не заметит ли кто-нибудь. Он не ожидал продолжения вчерашнего. Он вчера только усмехнулся, когда Соловьева перед поцелуями в подъезде смоталась за пальто. Но, выходит, хорошо усмехается тот, кто усмехается последним. А когда девушка пересаживается на лекции, тут нужно включать мозги. Леша

вспомнил, как однажды в институте на перемене, Соловьева сказала, что любит философскую прозу. Например, Ларошфуко и Дидро. И чего ждать от такой любительницы?

Ну, уж во всяком случае, стыдиться за такое знакомство не придется. Отчасти обнадеживающий диагноз.

Пришлось подкорректировать свой график, чтобы выкроить время на Соловьеву. Впрочем, его первоначальные опасения оказались преувеличены. Наташа была не столь чопорна, как он боялся. Но и особых продвижений на амурном поприще не наблюдалось. Несмотря на невинные лобзания в уголках ближнего к институту парка, Соловьева показала себя девушкой принципиальной. Леша от холода постукивал ногой о ногу, а она говорила: помнишь, как поют, «по морозу босиком к милому ходила» Холод – это испытание.

А ведь у нее теплая квартира. Почему не пойти к ней домой? На это Соловьева могла согласиться, когда дома мама. А то наломаем дров. Когда мама придет с работы, тогда другое дело. Холодок, овладевавший Лешей, при намеке на знакомство с ее мамой, пронизывал сильнее, чем холод ноябрьского парка.

Не только он, Наташа тоже скорректировала график. И напоминала, что ради него брошены в жертвенный огонь науки, урезаны самостоятельные занятия. Раньше такого не случалось.

Зимняя сессия приближалась. Наташа запаниковала: Она и так недопустимо расслабилась. Того и гляди завалит сес-

сию. И рухнут все надежды и мечты. Пришло время пожертвовать на время их встречами. Она должна собраться и поднажать. А после сессии наверстают. А, между прочим, Леша может ее поднатаскать.

Но где можно ее натаскать? У нее? – Еще чего! Она прекрасно понимает, по какой дисциплине он собирается там натаскивать. Даже если он придет с самыми чистыми намерениями, их близость к кровати хорошим не кончится. Ну, тогда ей можно приехать в общагу, предложил он. – Еще чего! Там та еще обстановочка. Она не потаскуха в общагу таскаться. А звать к себе, пока мама на работе, она боится.

Натаскивание, которое попробовали в институтском читальном зале, стало мучением для обоих. Наташе требовалось разжевывать. От спертого воздуха читального зала, от его шума оба уставали.

Приближался Новый год – первый большой праздник, попавший на пору их встреч. Общаговские прицеливались, в какой комнате проводить мероприятие. О том, что оно будет в общаге, и споров не было. Больше нигде. И тут Наташа сказала ему, что хочет встречать праздник с самым близким человеком. Она внимательно посмотрела ему в глаза, как он отреагирует. Леша, которого тошнило от высокопарных фраз, замешкался. Он еще не определялся с встречей праздника, но думал, что тот пойдет по накатанной лыжне, в общаге. По крайней мере, он не вспыхнул фейерверком ра-

дости. А Наташа сказала, самый близкий человек пока что ее мама. Ее папа несколько лет назад умер из-за старой фронтовой раны. И Наташа жила вдвоем с мамой. Как она говорила, мама для меня альфа и омега. Пока Леша между этими буквами и не вписывался и не мечтал вписаться даже в виде запятой. Ну что же, логично, мама самый близкий человек. Тогда и у него все с праздниками укладывается.

Но один неожиданный нюанс. Наташина мама его пригласила на встречу Нового года. От такой встречи и встречи с ее мамой Леша постарался уклониться. Слишком мало они с Наташей встречаются.

Наташа состроила недовольную усмешку, но как видно, согласилась с его доводами. К тому же с первого января она собиралась засесть за учебу. Они не виделись эти дни. Подтверждением тому, что она не обиделась насчет праздника, были переданные через девочек шпоры. И ему приходилось брать, чтобы не обидеть. На экзаменах Наташа, не скрываясь, переживала и радовалась за него. Лешу это не радовало. И такая открытая реклама ему была ни к чему и столь бурными ответными переживаниями он ответить не мог.

На зимние каникулы он уехал домой на юг и поймал себя на том, что вдали от Наташи почувствовал себя куда более комфортно. Действительно, на каникулах. А она в первый же день занятий после каникул, призналась, что скучала, не могла дождаться встречи. И Леше снова стало неловко.

Их встречи возобновились. Он думал, что ее квартира

удобнее для свиданий, чем промерзший парк. Но на квартиру было наложено вето, так как она панически боялась наломать дров. Леша до дров не загадывал, а у нее воображение было богаче. Унылое блуждание по заснеженной Москве, превращалось в пытку для Леша. Ботинки у него были не ахти. И его все больше сердили Наташины железные заповеди, первой из которых была: сначала свадьба, а потом все наслаждения. И Леша стал с тоской думать, что Лорьяну, южанину, даже повезло, когда Соловьева его отшила.

Но должно же что-то меняться. Если не меняется ничего в их свиданиях, то хотя бы погода. И действительно, пришла весна. Перед Восьмым марта, она поднесла весенний сюрприз: она собирается прийти на праздник в общагу. Именно ради него. И мало того, на весь праздник до конца. словесный оборот «до конца» означал, что, если найдется ей место у девочек, Наташа останется там. Это был великий жест. Москвичи, тем более, москвички, как правило, праздничные застолья в общаге игнорировали. Что они там потеряли? У них, своих московских друзей валом. А вот Наташа бросает себя на алтарь. Обнаружив, что Леша не возликовал, Наташа насупилась. Сказала, если он не рад, она может перерешить. И услышав заверения, что он, конечно же, рад, она сухо предложила Леше в праздник встретить ее у метро.

Он пришел к метро заранее. Наблюдая, как бойко у улич-

ных продавцов раскупаются цветы. А ведь цветы – это то, что может загладить ее обиду. Но, стоит ли тратиться, если ее приезд под большим вопросом? Ему хватало или на одну розу или на три гвоздики. Он купил одну розу.

Обычно Наташа была точна. Но вот назначенное время прошло, а он торчал со зря купленной розой, как дурак. Наташа опоздала почти на полчаса. Вышла из метро с таким лицом, с каким идут на прощание с покойным. Но, увидев цветок, счастливо улыбнулась. Ее глаза брызнули такой радостью, словно Леша, уже просил ее руки. Она созналась, что задержалась специально, чтобы проверить, как он к ней относится. Теперь она убедилась.

Лорьян говорил: настоящий стратег пользуется всеми родами войск. А розы – это даже не тяжелая артиллерия, даже не стратегические ракеты, это нервно паралитический цветок.

Леша не был в таком деле стратегом, девушкам цветов до этого не дарил. А как подарил, увидел, что Лорьян был прав. Но, подумал Леша, все-таки с розой перестарался.

Справляли в комнате у девочек. Наташа повеселела, расцвела и была так мила, что прямо-таки околдовала Лешу, словно остатки нервнопаралитического газа подействовали и на него. Ему подумалось даже, что роза оказалась совсем не лишней. Но на его робкое предложение незаметно улизнуть, пойти в его пустую комнату, – всепонимающий и тактичный Суворов остался бы на это время у девочек, – На-

таша ответила: мы же не животные. И вообще, после его бестактного предложения у нее испортилось настроение, она уходит. Леша не спорил, просто не понимал, чего она ждала, и что в его предложении бестактного. Или ждала первым делом предложения руки и сердца? Да, роза ее не брала. А он с розой он переборщил.

Он не стал умолять ее остаться. Хочет домой – пожалуйста. В общаге еще напропалую гуляли, а он провожал ее домой. Если она у метро скажет, до свиданья, он не станет противиться. Не сказала. Ехали в почти пустом вагоне, как поссорившиеся. Розу она взяла с собой. Все-таки символ. В подъезде она чмокнула его, даже не обняв, и напонила, что ему далеко обратно ехать. На обратном пути было время подумать. Он определился: пора отчаливать. Медленно, плавно, деликатно, не травмируя девушку. Одними ее ресницами сыт не будешь. И грудь могла бы быть побольше, и талия поуже, характер попроще. Как говорится, была без радостей любовь.

Для отчаливания очень подходила будущая сессия. Правда, ждать долговато, почти три месяца. Но можно ускорить. Ведь Наташа – долбежница, зубрежница и трусиха. Намекни ей, что сессию она может завалить – она кинется в зубрежку, забудет обо всем, кроме учебы. Что и нужно. На деревьях будут набухать почки, а в Наташе будет набухать паника. Не до свиданий ей станет. А после сессии, разнесет их в разные места на практику. А потом длительные летние каникулы.

Так и разойдутся, как в море корабли. А время лечит, время остужает.

О том, что предстоящая сессия будет сложной, переломной, решающей, краеугольной, предупреждали и в деканате, и опытные старшекурсники. И Леша стал, как бы невзначай, об этом напоминать. И хоть Наташа поначалу только пошучивала: говорят, эту сессию сдашь – можешь жениться, Саша видел, что глаза ее цепенеют от ужаса. Ее пошло трясти уже за месяц до экзаменов. Их встречи стали реже, и еще до экзаменов сошли на нет. Все вроде бы шло по Лешиному плану. Четвертый курс можно будет начать с чистого листа. Но когда Соловьева, несмотря на свою панику, достала для него шпоры сначала на один экзамен, затем на другой, Леша занервничал. И даже прозорливый Суворов упомянул что-то насчет данайцев, дары приносящих. А уж когда Суворов услышал от Леши, что Соловьева самовольно записала Лешу в Чирчик, он, уже отказавшийся ради Таньки от Эстонии горько усмехнулся.

Вот тебе и троянский конь от Соловьевой. А ты думал, что Северодонецк тебе на блюдечке поднесут?

И ни одна живая душа не воспротивилась произволу Соловьевой. В их глазах Лешина участь была решена.

После распределения предусматривалось три дня на сдачу хвостов и на сборы. Билеты на поезд брать в деканате. Леша рванул в деканат. Надеялся, что уж за три дня можно с кем-

нибудь поменять свой Чирчик на Северодонецк. Все-таки, Чирчик, считай, среднеазиатская экзотика, а Северодонецк – полная серость. Он отказывается от экзотики, от лучшего места на худшее. Поменяться будет несложно. Скажет декану, что он не переносит жару, что в детстве был солнечный удар.

В деканате он столкнулся с Сашей Мендельсоном из соседней группы и его женой Надей. Саша тоже мог претендовать на Кивыили, но так как он недавно женился, он распределился с Надей в Чирчик. И нисколько, как почувствовал Леша, не жалел.

Перебьется, – бросила по этому поводу Надя, – Прошагал под марш Мендельсона, теперь получи марш-бросок Мендельсона на длинную дистанцию.

Что она понимала под длинной дистанцией, далекий Чирчик или будущую супружескую жизнь, она не уточнила. Саша с Надей брали билеты на себя и Таню Кашевскую. Декан колебался, давать ли, Мендельсонам третий билет. Но Надя убеждала декана, что она действует по поручению Кашевской, что Кашевская ее ближайшая подруга, чуть не сестра, и Надя сегодня же передаст ей билет. Услышав, что Леша намерен обменять Чирчик на Северодонецк, интеллигентный и спокойный Саша, только поправил очки и пожал плечами в недоумении. А Надя, возомнившая, что статус Сашиной жены дает ей право поучать всех, кто хоть краем прикасается к ее супругу, покрутила пальцем у виска.

Точно, у тебя был солнечный удар. Что ты потерял в Северодонецке? А тут и Соловьева и Средняя Азия в одном флаконе, – и тихо добавила, чтобы не слышал декан, – Вот у нас с Сашей получается что-то вроде свадебного путешествия за счет института. И у тебя... – и она многозначительно посмотрела на Лешу.

Леша не хотел такого путешествия. Декан был непробиваем: списки уже отосланы на заводы, и переделывать никто ничего не собирается. А от солнечного удара существуют тубетейки. Разговор окончен. Оставалось ему мучиться всю практику нос к носу с Соловьевой. В качестве хоть какого-то спасения он взял билет четвертым в тот отсек, в который взяли Мендельсоны и Татьяна. Хотя их вагон оказался тринадцатым, но Мендельсоны не зря пришли брать билеты чуть ли, ни первыми. Они выбрали себе места в середине вагона. Меньше шастают мимо. И это несколько спасало Лешу. В среднем отсеке, да еще прикрытым Мендельсонами, да еще, если он будет сидеть тише воды, у него уменьшается вероятность невзначай напороться на Соловьеву.

Что я на это могу сказать, – заметил вечером Суворов, услышав Лешину печальную повесть о пролете в деканате, – Не по делам человеку воздается. Плыть бы нам в Эстонию, а тут подводные камни.

Какие? – не понял Леша
Соловьева, например.

Леша намеренно пришел перед самым отходом поезда. Отъезд из Москвы в Среднюю Азию был продуман. Суворов дал ему для такого случая свои большие черные очки. Он шел, чуть пригнувшись, чтобы проще было затеряться в толпе. Нумерация вагонов начиналась с хвоста поезда. После пятнадцатого вагона продвижение по перрону становилось опасным. Соловьева могла засечь. Он ее засек первым. Она стояла на перроне, и взглядом прочесывала пространство. Как проскользнуть незаметно? Он упросил проводницу пятнадцатого вагона впустить его, убогого. Очень не хочет прощаться с одной особой. Он прошел два вагона до своего места. Мендельсоны и Кашевская уже были на месте.

О, явился, не запылится, – сказала Надя, – А Наташа там стоит вся на нервах.

Да? – Леша изобразил наивное удивление.

Не заметил?

Не заметил.

Ну да? И она тебя не заметила?

Наверное, не заметила.

Ну, уж прямо. У Наташки глаз-алмаз, – Надя посмотрела на него с явным недоверием, Ну, так позови ее.

У меня голова болит, – сказал Леша и махнул на свою верхнюю полку.

Странный ты товарищ, – сказала Надя.

Леше на ум пришло гамлетовское «а не странен кто ж»,

но он боялся ввязываться в дискуссию. Молчание – золото. Он вспомнил, как Лорьян к месту и не к месту повторял: поговорим о странностях любви. И тут он промолчал. Надя думает, что у него странности. А ему, например, странным казался выбор Саши Мендельсона. В то время как ее подруга Кашевская – такая куколка, он клеился к ничем не примечательной Наде. Ну, в том, что Надя ответила согласием, Леша ничего странного не видел. Сама Надя говорила, если мужчина чуть лучше обезьяны, уже красавец. Саша Мендельсон был вовсе не обезьяной, даже немного привлекательный. Но среднего роста, неплечистый, не крепкий, даже хиловатый, светловолосый, слегка курносый, – он не казался завидным женихом. Зато выделялся хваткой в учебе, и соответственно, успехами. Как там происходило, почему Саша стал увиваться за Надей, а не за Татьяной, почему Надя ответила взаимностью, а не положила глаз на кого-нибудь покрасивее, почему Саша дал себя стреножить, почему красавица Кашевская никого в институте себе не завела, почему лично Леша держался от Кашевской на расстоянии, относясь к ней, как к драгоценному предмету искусства, под табличкой «охраняется государством» – это и есть необъяснимые странности любви. Саша, Надя и Таня учились в соседней группе. Все были москвичами. Так что у них не было причин близко сходиться с Лешей, а у него не находилось причин искать их дружбы. Но теперь этой троице предстояло живым щитом, прикрыть его от Соловьевой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.